

Анна Б. Троицкая

Питерский Ренессанс

Анка Б Троицкая

Питерский Ренессанс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67967235

SelfPub; 2023

Аннотация

Телевизор сделал своё дело. Город культуры полон зомби. Но не все из них безнадежны. В этом самом коротком рассказе убийство одного из наиболее прогрессивных горожан приводит к способу излечения.

Анка Троицкая

Питерский Ренессанс

Зомби! Это звучит гордо!

Мое имя Стас. Я типичный представитель города, но, сохранился лучше многих. У меня целы почти все конечности и гордая осанка.

Нас можно видеть на Невском, мирно бредущими среди ржавых автомобилей. Посторонним может показаться, что мы не общаемся, но мы просто не говорим, что думаем. Мы серьезные. Скалятся лишь те, у кого нет губ. Кто-то тусуется, перемывает кости... себе и другим. Благо, что в реке есть вода. Я предпочитаю домино в Летнем Саду.

Прямо сейчас я спешу к жене. У Галины нет ног, и она ждет меня на софе перед телевизором, в халате и твердом сиреновом бюстгальтере. Подозреваю, что в нём давно ничего нет, как и у меня в штанах, но все равно красиво и выпукло получается.

Я ковыляю вдоль паребрика, не подозревая, что скоро жизнь изменится.

Я слышу хрип:

– Эй... (пауза) Стас...

У разбитой витрины стоит сосед Ким Тимыч. Он снова открывает рот, в котором не хватает одной щеки.

– Беда... Филя мертв.

– Знаю... – вздыхаю я.

– Нет... Совсем. Нашел его... здесь... вчера.

Не проходит и часа, как мы стоим возле кассы, а на полу лежит Филя.

У меня и так мало друзей, а Филя был добряком по кличке «Двузубец». А теперь у него вместо головы – темная жижа. Рядом валяется кирпич, и я начинаю догадываться.

– Убит, – говорю я.

Проходит минута.

– Да ты... что?! – Тимыч всплёскивает руками, и мизинец отлетает в угол, – Кто... его?

– Из наших? Никто.

Вы когда-нибудь слышали, чтобы один зомби напал на другого?

– Тогда... посторонний! – догадывается Тимыч.

Итак, среди нас появились чужаки, и нужно всех предупредить. Я прошу Тимыча немедленно мчаться к мэру. Одна нога здесь, другая – там. Он послушно отрывает себе ступню, бросает на пол и ковыляет прочь. А я приседаю возле трупа.

На полу видны бычки, конфетная обертка фабрики Крупской и... кровавый отпечаток ладони на линолеуме. Точно не зомби. Эти пальцы не только целы, но и покрыты кожей. Сомнений нет. Посторонний! Я замечаю другой отпечаток на косяке. Убийца поскользнулся на мозгах Филя и испачкал руку. Я поднимаюсь, обхожу место преступления. У порога лежит зажигалка.

Подобрав улику, я иду домой и гадаю, что понадобилось чужакам. У нас не осталось ничего полезного. Металлолом, разве что. Я так задумываюсь, что ничего не слышу. Домой добираюсь под утро. Жена меня убьёт... опять.

Дома Галка поворачивается ко мне. Я жду.

– Стас, иди... на... – она замолкает на целую минуту, – площадь, – наконец, заканчивает фразу Галка, – Мэр... звонил... в... колокол.

Я посылаю ей воздушный поцелуй.

По дороге на Дворцовую я вижу, как по улицам стекаются горожане. Зимний спрятан в лесах с обтрепанной пленкой. У колонны – трибуна с оборудованием.

Я вижу Тимыча с лысой головой дорогого Глеба Никитича в руках. Никто не знает, как наш мэр ее потерял, и что стало с телом, но его уважают и носят на руках... в большой коробке из-под торта.

Я делюсь с ним мыслями. К тому времени опять темнеет, и все в сборе. Мы кладем Никитича на трибуну перед микрофоном.

Он сообщает собравшимся о судьбе Фили, и что придется отражать нападение. По сигналу помощник щелкает тумблером, и на белой пленке появляются кадры монтажа. Куски фильмов показывают, как чужаки крушат зомби бейсбольными битами, простреливают из арбалетов, жгут, облив топливом и кислотой. Питерцы смотрят на дырявый экран, а в остатках глаз и влажных поверхностях разлагающихся тел

пляшут яркие отблески.

– Вот... – твердит мэр, – что ждёт нас, если не сплотимся.

Сообщаю вам, что убеждения, будто мы опасны, сильно преувеличены. Чужаки уверены, что мы только и ищем их, чтобы сожрать. Ну, какие из нас хищники? Мы медлительны и осторожны... Иначе можно рёбра растерять. Да и не худели бы мы. Выпить, конечно, любим, но питаемся исключительно духовной пищей. У нас есть книги, кино, театр. Телевизор постоянно вещает. Большинство регулярно посещает церкви и музеи...

Стоп! Я поворачиваюсь к мэру.

– Никитич... – говорю я, – а если им нужно наше искусство?

– Верно. Посторонние зрятся на наши произведения.

– У нас, кроме них, ничего нет, – крикнул кто-то, – Встанем на защиту духовности!

– Некоторые из нас не могут ходить, – вспоминаю я о жене.

– Мы их спрячем в убежище, – предлагает Ким Тимыч.

– И женщин, и стариков? – уточняю я.

– Нет... наши ценности.

– За дело, – приказывает Никитич, – Всем приступить к спасению всего, что сможете спрятать в самой глубокой станции метро.

Горожане расходятся эвакуировать ценности, а я спешу домой. Я уберегу Галину от беспощадных посторонних.

Вокруг народ уже тащит живопись, фарфор, мрамор и сползается к Адмиралтейской станции, как муравьи с ношей.

Дома я объясняю Галине, что спрячу её на даче в Колтушах. Она вспоминает про Баську, и я выхожу в подъезд.

– Кис-кис! Плешивый?

– Мя... – доносится из соседней пустой квартиры.

Я вхожу, слышу свист, и в стену у виска вонзается вязальная спица бывшей соседки. Передо мной дрожит чужак лет тринадцати. Мне тоже страшно. И я бы задрожал, но ухо отвалится.

Поднимаю руки вверх. Чужак удивляется.

Я тарабарским не владею. Знаками показываю, мол, не собираюсь на него бросаться, а просто ищу своего зомби-кота. Если вы способны представить себе, как все это можно показать знаками, то покажите другим.

Появляется Баська и тарыхтит как вентилятор. А руки-то у юнца меньше, чем тот отпечаток. Это не он убил Двузубца.

Я тыкаю себя в грудь.

– Стас, – говорю я и указываю на кота, – Бася.

А парень вдруг заявляет на ломаном русском:

– Меня зовут Ян.

Так-то лучше. Я приступаю к допросу и узнаю следующее:

Он увязался за своим дядькой приключений искать. Дядя Томаш сказал, что едет за богатством. А что за дело, Ян не знает, но слышал, как тот с кем-то договаривался. Очень медленно.

В голову червями лезут неприятные подозрения.

– А кто очень медленно говорил?

Ян не видел. Он сначала думал, что дядя болтает сам с собой, потому что в комнате было пусто.

– В какой комнате?

В заброшенном кафе. Он сидел один за столом, а перед ним стояла бутылка и яркая коробка. А потом он покатил в центр.

– А где он теперь?

Ян ходил смотреть, на месте ли седан. Дядя был там, но пьяный.

Надо бы с тем Томашем потолковать.

*

Я отношу кота к Галке.

– Жди меня... – начинаю я, но не помню как дальше.

Мы с Яном выходим на улицу. Так вот как он ходит по городу незамеченным! Наверное, это естественно для подростка ссутулиться и свесить руки плетями. Он горбится и идет вперёд пьяной походкой. Так он почти не отличается от нас.

Мы доходим до Мариинки, встретив лишь Тимыча с самогонным аппаратом. Он спасает свою ценность.

За углом стоит старенький седан. Я бы его не заметил, а Филя подумал бы перед ним денёк и сказал: *«Ну, и хрен с ним!»*

В машине сидит человек, но он не только пьян. Я узнаю симптомы. Так и есть. Филя успел таки куснуть его. На запястье следы двух зубов.

– Колись, – говорю я ему, – и твой племянник будет цел.

Томаш тупо смотрит и тянет из кармана карту города. На ней поставлен маленький крестик. Это не далеко. Ян остается ждать, когда его дядя протрезвеет, а я направляюсь к Благовещенскому мосту.

К ночи добираюсь до Академии Наук. Вход заколочен. Пытаюсь отодрать одну доску, но она лишь болтается на гвозде и прикрывает щель, в которую посторонний бы не протиснулся, а вот ходячий скелет, вроде меня, – вполне.

Внутри темно. Я слышу рычание, и в ногу вонзаются зубы. Я вспоминаю про зажигалку Фили в кармане. Я щёлкаю, осветив здорового ротвейлера с рыжими бровями. Он отпускает меня и садится.

– Эй! Да тебе эта штука знакома! Ты что, псина, нашего Филю знал? – говорю я и, подражая Двузубцу, добавляю, – Ну и хрен с тобой.

Пес виляет хвостом и вываливает язык – розовый, с пенкой слюней. Он живой.

– Как тебя зовут, слюнтяй?

– Ламарк, – неожиданно слышу я, – Погасите зажигалку, у вас палец дымится.

В глаза бьет свет фонарика, а к собаке твердо подходит незнакомая зомби. Дыр в серой коже я не вижу, как и недо-

статка в частях тела. Под сеткой майки видна полная грудь, должно быть, силиконовая.

– Откуда у вас зажигалка Филимона Игнатьевича?

– Нашел у останков. Я расследую его убийство.

– Вы сыщик? Шпионите?

– Я друг Фили. Мы в домино...

– Пойдемте. Расскажите всё профессору.

Охранница берет Ламарка за ошейник и освещает путь. Внутри двери не только забиты, но и заварены. Мы подходим к парадной лестнице. Мозаика осыпалась и закрыта брезентом. Охранница оттягивает его в том месте, где раньше был Петр, а теперь – провал в стене. По тоннелю мы добираемся до комнаты, похожей на лабораторию, и я вижу десяток почти целых зомби в белых халатах. А у одного – седая шевелюра. Ему я рассказываю все. Выслушав меня, профессор усмехается:

– Филиа говорил о вас. Помните, кем до зомбирования работали?

Я задумываюсь. С начала расследования мне уже несколько раз являлись картины из прежней жизни, но ответить я не могу.

– Когда последний раз телевизор смотрели?

– Несколько дней назад.

– И вы не помните, что после аспирантуры окончили курсы криминалистики, что у вас есть учёная степень и звание капитана?

В голове шумит. Я вдруг вспоминаю, как делал предложение Гале... На ней было синее платье. Я спрашиваю:

– А вы всё помните? Вы новенькие? Судя по виду...

– Нет. Мы просто восстанавливаемся.

– Как это возможно?

– Наука может многое, а зомбирование – обратимый процесс. Это ведь от нас хочет избавиться мэр. Перед вами, Станислав, стоит выбор. Вы либо сдадите нас мэру, либо опять станете человеком.

Его товарищи смотрят на меня и с надеждой, и с угрозой. Я думаю о Гале.

– А вы ноги можете заново отрастить?

– Нет, но мы делаем протезы по новейшей технологии. Вот у Виктора отвалилась нога, и он до телевизора не добрался. Филя собирал таких по всему городу.

Виктор проделывает фуэте. Ай да Филя!

– А у Инны не было рук...

– Что я должен сделать? – перебиваю я.

*

Самым приятным будет разбивать телевизоры по квартирам, как только вернутся мои бицепсы.

Юный Ян увезет вылеченного дядьку обратно в Братиславу, а мэра мы будем судить. Ишь ты... решил все городские ценности собрать в своем подземелье, заказал убить Филю и

тех, кто нашел способ вылечить город.

Галка снова будет плясать. Ноги – дело не хитрое. А вот если голову потеряешь, то протезом не заменишь. Особенно, если всё остальное сгнило.

Конец.